

Жили-выживали, надежду не теряли

Рустислав Степанович Бычков проживал в Губкине с 1959 года, работал в газетах «Ленинское знамя», «Строитель», возглавлял Губкинскую типографию. Он принадлежал к поколению детей войны, которую пережил в родном селе Богородицкое (Фенино) Боброво-дворского (ныне Губкинско-го) района. Сохранились его воспоминания об оккупации нашего края. Было ему тогда 13 лет...

«Как люди, так и вы...»

Летом 1942 года стало ясно, что немцев не остановить. Звук артиллерийской канонады и разрыва бомб все слышнее докатывались до нашего Боброво-дворского района. Немец шел, как говорили, с Прохоровки, куда он дошел в прошлую летнюю кампанию, перейдя на зиму в оборону.

На 2 июля 1942 года была назначена эвакуация Боброво-дворского отделения Госбанка, где мой отец, Бычков Степан Филимонович, работал главным бухгалтером. Поскольку он был беспартийным, то транспорта для эвакуации его семьи не полагалось.

Помню последние минуты его прощания с матерью. Повисла она у него на шее, залилась горькими слезами, не в силах выговорить ни слова. Наконец, сквозь рыдания я услышал: «А как же мы?..» И ответ отца: «Как люди, так и вы...» И повернувшись в мою сторону, добавил: «Только на тебя надежда!».

В село война пришла 5 июля. Наши отступающие части отстреливались из соседней деревни Шорство. О потерях наших бойцов на этом участке мне неизвестно. Немцы же захоронили у проселочной дороги трех своих солдат-велосипедистов, оставили две подбитые автомашины —

грузовую и легковушку. Один из наших снарядов угодил в гусеницу немецкого танка. Мы с одноклассником Николаем Рыжих были очевидцами. Танк мчался по краю нашего огорода, а мы лежали с Николаем в картофельной ботве на противоположном его конце. Вдруг шедший на большой скорости вражеский танк закрутился на одном месте и заглох. Однако экипаж, видимо, не пострадал. Танкисты выскочили из башни, быстро сменили поврежденный трак, поставили гусеницу на место и помчались догонять своих.

Последующие четверо суток оккупанты пешими и гужевыми обозами, на автомашинах и мотоциклах занимали наши села без боя. Они еще засветло располагались на ночлег, по-хозяйски доили деревенских коров, выбирали из куриных гнезд яйца, вылавливали в пруду гусей...

Быть бы живу...

Наша семья принадлежала к так называемому сословию служащих. А в то время считалось патриотичным, если служащий не имел никакого личного подсобного хозяйства. Дела служебные и общественные ставились выше личных. И наша семья жила в унисон с традицией того времени. Мы не

держали коровы, не откармливали свиней. Правда, было посеяно соток 6–7 картошки, грядка капусты. Из живности — десяток кур. Таким образом, после эвакуации отца, на зарплату которого мы жили, наша мать — инвалид труда — осталась стремля детьми без средств к существованию. У нас не было ни хлеба, ни жиров, ни крупы, ни дров. Даже спичек не было, чтобы развести в печи огонь и зажечь коптилку в вечернее время. Да и для коптилки керосин был на исходе. Как жить?

Однако, подчиняясь инстинкту самосохранения, мы стали мобилизовываться для выживания. На огороде ожидалась картошка. Куры, пока лето, жили на подножном корму и откладывали в день по 4–5 яичек. Неподалеку, в трех — четырех километрах от села, — казенный лес. В нем можно было собирать валяжники на топку. Вместо спичек появилось кресало, которое изготовил я сам, приспособив обломок старого напильника. Кроме того, отец оставил мне в «наследство» шило и сапожный нож.

Сначала я утратил обувь домочадцам. А когда об этом узнали односельчане, мне стали поступать заказы на ремонт обуви от них. Моя работа поощрялась ими по своему усмотрению, кто чем располагал: кринка молока, фунт муки, пригоршня пшена, четушка растительного масла... Мать приговаривала: «И то хорошо. Не до жиру — быть бы живу!»

Вскоре я наловчился подшивать валенки, шить сандалии, плести веревочные лапти. Теперь уже у нас был и на праздник лишний кусок...

Уже с наступлением легких заморозков в нашем селе разместили подразделение военных, состоящее в основном из венгров. Но были тут и чехи, и словаки, и финны. В селе всех их окрестили под одну гребенку, называя

«мадьярами».

Особого мародерства со стороны военных не наблюдалось. Да, они собирали с дворов, как дань, картошку. При этом вместе с военными за картошкой приходил представитель гражданской власти — староста или его заместитель. Каждое хозяйство обязано было выдать безоговорочно мешок картошки за один заход. За время поста вражеских военных в нашем селе на каждый двор пришлось не менее трех заходов.

Переpleлись в одно и жизнь, и смерть

К середине зимы закончились сено и солома для корма мадьярских лошадей. Но на полях соседнего колхоза села Старовка стояли два скирда пшеничной соломы. Жителем Фенино и Шорство выгнали чистить к ним дорогу напрямую по полю.

Рустислав работал на расчистке вместе с соседским мальчишкой Николаем Рыжих. Неожиданно к ним подошел бородастый мужчина. Это оказался давний знакомый семьи Бычковых Федор Феоктистович Алексеев. Родом он был из Богословки и до оккупации работал первым секретарем райкома партии.

«Вот что, ребята, надо, чтобы эти скирды «случайно» загорелись, — сказал он пацанам. — Наши скоро придут. Не стоит откармливать мадьярских тяжелозов».

Алексеев дал ребятам по робку спичек и показал, как можно поджечь солому с помощью спичечной коробки и папироски. Возгорание при этом произойдет не сразу, а через некоторое время, мальчишки уже успеют отойти от стогов на далекое расстояние, а может быть, и дойти до дома. Он также пояснил, что сегодня это сделать удобнее всего. Появление мальчишек на дороге не вызовет подозрений, ведь можно подумать, что кто-то не успел рас-

чистить отмеренный ему участок и пришел доделать свою работу.

Вечером ребята выполнили поручение. Но к этому времени снег частично запылил расчищенную к скирдам дорогу, на улице потеплело. Мальчишки, неопытные конспираторы, оставили на мокром снегу хорошо отпечатанные следы от скирдов и до своих домов.

Утром в их два дома и пожаловали полицаи. Бычковы узнали в нежданном госте Александра Скобрева. До войны он работал с матерью Рустислава Степановича в Боброво-Дворском райпотребсоюзе, а теперь служил полицаем в селе Старовка. Мать, увидев белую повязку на рукаве черного бушлата, заговорила со старым знакомым довольно резко. Скобрев объяснил, что ночью сгорели два скирда соломы и следы привели к их дому. После коротких пререканий он начал обыск. Обнаружив патефон, посоветовал матери его продать: «А то придет такой, как я, и бесплатно заберет».

После обыска Скобрев встретился во дворе со своим товарищем, о чем-то поговорили и ушли. Он, конечно, понял, по чьей вине произошло возгорание. Но, судя по тому, что семью Бычковых потом не беспокоили, не стал доносить немецкой администрации о своих догадках. Через всю жизнь пронес Рустислав Степанович благодарность этому человеку, который спас мальчишку и его родных от виселицы.

При отступлении немцев Александр Скобрев покинул родные места. После войны стало известно, что он проживает в Канаде. Родственники показывали фотографию Александра: в белой рубашке и черных брюках стоит возле легковой автомашины...

Ирина Семенухина,
научный сотрудник

Губкинского краеведческого музея

Дорога памяти

Почта России стала партнером проекта «Дорога памяти». С 17 февраля по 31 мая 2020 года в отделениях Почты России будут принимать фотографии участников Великой Отечественной войны для их сканирования и загрузки на официальный сайт проекта.

С 17 февраля принимать фотографии будут во всех отделениях Белгородской области. Фотографии в особом порядке, с соблюдением дополнительных мер предосторожности будут передаваться в управления федеральной почтовой связи региона для их сканирования и публикации в единой базе данных, а после будут возвращены владельцам. Отделения Почты России есть в самых удаленных населенных пунктах, что позволит присоединиться к проекту всем жителям страны.

Также в отделениях Почты России разместят информационные

материалы о проекте с нанесенными на них QR-кодом. Он ведет на страницу сайта, где можно самостоятельно загрузить фото в базу данных.

В годы войны почтовики принимали, обрабатывали и доставляли более 10 млрд. писем, почти 23 млн. посылок. Почта являлась единственной нитью, соединяющей фронт с тылом. Сегодня, в рамках празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, основная задача Почты России — связать поколения, помочь сохранить память о подвиге наших предков.

Справочно:

Минобороны России реализует проект по возведению на территории военно-патриотического парка культуры и отдыха «Патриот» в г. Кубинка Московской области Главного храма Вооруженных сил Российской Федерации.

Центральное место в Главном храме займет построенная по хронологическому принципу

от начала войны до Великой Победы мультимедийная галерея «Дорога памяти» длиной 1418 шагов, символизирующих 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны.

Это уникальный музей, не имеющий аналогов в мире. Каждый зал галереи отличается формой подачи и драматургией, с помощью интерактивных средств посетители смогут менять окружающую обстановку, получать

доступ к редким видео-, фото- и аудиоматериалам, но главный элемент «Дороги памяти» — общедоступная единая информационная база с десятками миллионов фотографий и писем фронтовиков, тружеников тыла, жителей блокадного Ленинграда.

С помощью сайта Минобороны России (doroga.mil.ru), военных комиссариатов, писем от граждан в Минобороны России с пометкой «Дорога памяти», вы-

ездных групп по сбору информации осуществляется сбор и наполнение единой информационной базы.

Через сенсорные панели посетители смогут найти информацию о своих родственниках, а на больших экранах будут отображаться их фотографии и фронтовые письма.

Галерею планируется открыть 9 мая к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.